

А.В.Новичков

Русско-японская война 1904–1905 гг. Окопная повседневность

Военное дело значительно отличается от всех иных отраслей человеческой деятельности. Отличительной особенностью военного человека должна быть способность развить непоколебимую волю для выполнения поставленной цели. Война требует полного расходования всей энергии для данной цели до собственной гибели включительно. Это основополагающая черта и основополагающая задача и военного быта. Военный человек с этой точки зрения рассматривает все вопросы не только службы, но и жизни. Такой душевный склад приобретает не учебными курсами, а – военным воспитанием. При этом наиболее устойчивым он является не в отдельных лицах, а в войсковых частях, потому что в массе больше напряжения и инерции, чем в отдельном солдате.

Вот краткая выдержка из дневника боевого офицера русской армии:

«Начинаю оглядываться на товарищей и друзей, с которыми не виделся почти 1½ месяца, и я поражен ужасной переменой, какую я вижу на знакомых лицах: Господи, как они постарели все! Как на себя не похожи... Что с ними? – неужели все так измызганы?»¹

Недаром на войне считают месяц за год². Военная жизнь тоже «продукт» цивилизации, звучащий немножко парадоксом, поскольку в центре ее – борьба за жизнь, и – насильственная смерть³.

И этот «парадокс» начинал ощущаться уже в вагоне воинского состава, идущего к театру военных действий. Охвативший всех «угар прощаний и жгучих впечатлений», пережитых за первые дни движения к фронту, прошел. В вагонах водворялась «точно подавленная тишина, прикрывшая собою беспокойный гомон мыслей и чувств, взбудораженных последними прощаниями»⁴. Все кругом как-то сосредоточенно, неразговорчиво – уходят в себя. Предписанные приказом по полку занятия и чтения по вагонам не проходят: все помыслы, внимание и настроение – все поглощено и сковано только что пережитыми впечатлениями. Проходит еще день-два, и обычная вагонно-походная жизнь выступает все рельефнее: военнослужащие, видимо, «осели, разместились укладисто», приняв форму того ограниченного пространства, которое им оставлено, хотя военнослужащие располагались на нарах, устроенных в два яруса, расстояние между ними допускало возможность свободно сидеть; это расстояние несколько не меньше, чем между приподнятыми скамейками в «классных» (гражданских) вагонах⁵.

Вагон превращается в своего рода казарму, а переезд к ли-

нии фронта — в размеренную военную жизнь. Состав останавливается на каком-то разъезде, «импровизированном» из двух-трех вагонов, приспособленных для жилья, заменяющих собой «гражданские станционные сооружения». Дежурный по эшелону приказывает дежурному горнисту играть «наступление»: здесь будут раздавать обед. Солдаты с манерками и котелками в руках устремились к хвосту поезда, где имелся особый вагон, оборудованный под солдатскую и офицерскую походные кухни. Два кашевара по обе стороны вагона раздавали обед, который в полчаса разбирался весь. Солдаты обедали не торопясь — у себя в вагоне или на лужайке. Интендантство отпускает в пути по 21 коп. в день на человека⁶, и на этот «приварочный оклад» можно иметь две варки в день с фунтом мяса⁷.

Офицеры также имели у себя в вагоне каждодневно обед из двух блюд и ужин из одного блюда. Это обходилось офицеру в 40–50 коп. в день⁸. Заведовал кухней свой офицер, свой повар, и проч.⁹

В пути можно было довольствоваться и на особо устроенных продовольственных пунктах, которые нельзя было не признать очень благоустроенными¹⁰: прекрасная пища, отличные кухни и хлебопекарни, хорошие бани для офицеров и нижних чинов¹¹. На всех станциях и на многих разъездах имелись особые домики с печами и кубами для кипячения воды, посредством вольнонаемных лиц. Благодаря последнему введению при остановке поезда нижние чины всегда находили кипяток бесплатный, чай и сахар отпускаются от казны¹².

Справедливости ради отметим и то, что часто приходили известия: офицеры, следующие в воинских составах, питались тем, что скупали — по явно завышенным ценам — в буфетах сибирских вокзалов¹³. Это объяснялось инертностью и нераспорядительностью начальников эшелонов.

Выход из подобной ситуации был найден офицерами, отслужившими не один год в армии: при каждом воинском поезде имелся вагон, оборудованный для солдатской походной кухни, в котором можно было устроить небольшую «кухню-таганчик», хотя бы по одной на батальон (настоящая офицерская походная кухня имелась всегда лишь одна на весь полк, и обыкновенно держалась при штабе полка)¹⁴. При малейшем удалении батальона от полка — что на театре войны неминуемо случается часто — офицерам этого батальона придется мириться с пищей из солдатского котла. Следовательно, походные «кухни-таганки» служили достойную службу каждому батальону, не только во время переезда по железной дороге, но и на театре войны¹⁵.

Вообще, порядок в воинских эшелонах зависит исключительно от того, как вел себя командный состав: там, где офицеры

держали себя благопристойно и не пили, в эшелоне все в порядке и не было пьяных¹⁶. Если офицеры «распустятся», то и нижние чины, глядя на них, тоже начинают терять представление о дисциплине. Здесь уже нужны будут особые команды¹⁷.

Не обходилось и без чрезвычайных, экстраординарных ситуаций. Так, в одном из эшелонов стрелкового корпуса офицеры везли «двух девиц, которые меняли женские костюмы на офицерские рубахи с погонами и фуражки», так что во время стоянок проходившие рядовые отдавали им честь. Эти солдаты знали, что они отдают честь не офицерам, а каким-то девицам, но уж очень хотелось внести в солдатские будни хоть какое-то разнообразие¹⁸. Одна из «девиц» называла себя женой офицера, а другая — женой делопроизводителя одного из полков действующей армии, но «акцент и слишком развязные манеры, с наглой, вызывающей улыбкой, заставляли сомневаться в правдивости их слов».

В том же эшелоне рядовые, желая помочь юноше добраться бесплатно до Красноярска, поместили его в одном из вагонов. Об этом узнал станционный жандарм, потребовавший высадки юноши, а когда солдаты отказались выполнять приказ, он обратился с жалобой к начальнику эшелона. Солдаты не послушали и своего начальника¹⁹:

— Мы решили всем миром — не выдавать его.

Дело едва не обернулось физическим столкновением между

Русские солдаты на позиции. 1904 г.

Карта военных действий Русско-японской войны 1904–1905 гг.

солдатами и офицерами. Начальнику эшелона пришлось обратиться к охранной страже: порядок был водворен. Виновника этой истории искать не стали. Командир полка приказал высадить из состава и «безбилетного пассажира», и «жен военнослужащих»²⁰.

И офицеры, и рядовые оживали лишь на остановках, снимая с себя скатку с манеркой или котелком; вещевой мешок, наполненный «грязным бельем, вместе с хлебом, ружейными принадлежностями, сахаром и мылом»²¹. Если остановка была продолжительной, то не проходило и трех минут, как разводились костры, в котелках кипятилась вода для чая²².

* * *

Война это не только движения в воинских составах, бои, наступление и отступление, но еще и короткие минуты затишья, когда части отводились в тыл, или они не имели продолжительное время стычек с противником. Однако не всегда «отрыв» от противника воспринимался как своеобразный отдых. Редкая рота в продолжение трех недель имела покойных дня два-три. Все отходы рот для перегруппировок были необходимы, но они так замотали, утомили нижних чинов за это время, что последние с нетерпением ждали того момента, когда будет приказано вернуться в полк. По воспоминанию одного из очевидцев военных действий, один из солдат с от-

чаяньем сказал: «Хоть бы японцев трех убить и самому помереть, — больно тошно жить стало»...²³

Будучи на биваке, солдаты и офицеры проводили время, проводя большую часть дня в палатке. Летом приходилось приподнимать полы палатки для прохлады, так как стояла жара. Не давали покоя мухи, многие офицеры, спасаясь от насекомых, приобретали кисею, закутываясь в которую с головой, спокойно спали²⁴. Довольно часто офицеры собирались группами, ходили друг к другу в «гости» через отделявшие батальоны сопки, играли в карты, но чаще всего сидели около своих палаток, предаваясь размышлениям²⁵.

* * *

Пребывание в боевом резерве, по мнению многих участников войны, гораздо хуже нахождения на позициях. В боевых условиях задача ясна — пока жив — сражайся²⁶. В резерве же будь готов каждую минуту идти туда, где понадобится поддержка: «сообразил, где и как провести людей, чтобы добраться до этого места, не теряя стрелков и времени, а сделать это не так просто. Местности не знаешь, карт и планов никаких, ходов сообщения, как я уже говорил, не сделано, а главное, не видишь врага, а только слышишь этот несмолкаемый треск и гул, и ровно ничего не знаешь, что там происходит»²⁷.

Но, думается, подобные размышления были свойственны до тех пор, пока не менялось настроение, пока военнослужащие «остывали» от того душевного кипения, той напряженности, которая была свойственна человеку, участвовавшему непосредственно в военных действиях. Несколько дней спокойной жизни, даже незначительная удаленность от линии фронта, хороший сон и горячая пища, возможность вымыться в бане и сменить обмундирование — все это «раскрепощало» солдата, давало возможность физически и духовно расслабиться и снять психологическое напряжение²⁸. Бивачная жизнь, благодаря отличной погоде, небольшим передвижениям, изобилию пищевых запасов, щедро расходуемых (нижние чины получали ежедневно фунтовые порции мяса), настраивала всех на отличный лад²⁹. Это было заметно в первый же день нового, после отдыха, похода:

«Солдаты несли на себе все вещи, валяные сапоги, ватные одеяла и по одному пучку гаоляна для варки чая и обогрева себя на первых порах, пока не привезут гаолян на лошадях. После месячного отдыха солдатика шли очень бодро и весело. Но под конец все-таки совсем приустиали, хотя расстояние было всего верст в двадцать»³⁰.

Переход небольшой, какие-нибудь двадцать верст. На новом биваке нижние чины принялись устраивать брошенную фанзу под офицерское жилище и рыть себе землянки³¹ (морозы ночью доходили до — 12° Р³²).

Бивачные землянки для помещения войск, стоящих в резерве, — тоже особенности Русско-японской войны 1904–1905 гг. Едва ли кому-нибудь когда-нибудь приходилось прибегать к таким бивачкам, скрытым под землей, где надо было жить не недели, а месяцы³³. Землянки строились на 5–10 и на 50–70 человек: обыкновенно старались поместить в одной землянке отделение, взвод, со своими командирами³⁴.

Устройство этих землянок было очень простое: вырывался глубокий ров, около 5–6 футов глубиной, шириною 6–7 футов, а длиной — в зависимости от числа помещаемых людей, считая по одному шагу на человека; ров этот покрывался накатником, хворостом, стеблями гаоляна, а сверху насыпалась земля слоем в 6–8–10 вершков. Для входа с тыловой стороны вырывалась аппарель, которая вела прямо с горизонта земли в эту землянку; входная дыра завешивалась полотнищем от походной палатки. Для поддержания тепла складывались одна-две печурки с дымоотводом около входного люка³⁵. Но никакого искусственного нагревания воздуха в этих землянках не требовалось: температура была достаточно высокая, небольшие печурки складывались, главным образом, для того, чтобы можно было тут же вскипятить воду для чая. Пол землянки устилался чумизной соломой, которая покрывалась, при желании, полотнищами от походных палаток. Люди укладывались поперек этой землянки вплотную, один около другого, ходить вдоль этой землянки можно было или у ног спящих, где оставлялось около полшага, или ходили через ноги. В землянке нельзя было стоять во весь рост.

Движение воздуха в этих землянках было очень слабое: входы необходимо было располагать с тыловой стороны, а при длине рва в 30–50 шагов требовалось не менее трех–пяти входов; ограничиться двумя входными дверями на противоположных концах землянки для получения сквозняка — нельзя было. Из-за отсутствия вентиляции в этих землянках было очень тепло, но и воздух — густо насыщенный человеческими испарениями и выдыханиями всякого рода.

Однако солдаты чувствовали себя прекрасно в этих землянках: тепло, от выстрелов укрыты, есть чай, горячая пища, и отдых после окопов³⁶.

В том, что в этих землянках солдаты укрыты от снарядов, можно было убедиться, например, при зафиксированном очевидцем факте попадании снаряда в крышу землянки, где в это время находились нижние чины. Несмотря на взрыв, солдаты, как правило, остались сидеть вокруг чайничка, занятые чаепитием, как раз под точкой удара заряда: у них еще не прошел не то испуг, не то недоумение от взрыва над самыми их головами, и «один солдат еще продолжал держать кружку с чаем, засыпанную наполовину мерзлой землей». Как оказалось, снаряд при взрыве образовал небольшую

воронку в смерзшейся земле крышки, но не смог пробить накатник, а только вогнул «стропила» внутрь землянки, «через образовавшуюся брешь сыпались комки мерзлой земли». Никто не был ни ранен, ни контужен, — потому что все осколки ушли вверх. Конечно, здесь свою роль сыграл мерзлый грунт, который лежал слоем в 6–8 вершков толщиной, имея под собою слой накатника, уложенного очень плотно³⁷. Таким образом, находясь в землянках, можно было считать себя вполне укрытым не только от шрапнелей, но и от шимоз³⁸.

Но после многодневного сидения в окопах почти никому не хотелось сидеть в землянках. Всем хотелось света, воздуха, необходимо было размять ноги: за несколько недель, проведенных в окопах, без всякого движения, у солдат и офицеров развился отек ног, появилась одутловатость, склонность к некоторому ожирению³⁹. Все это можно было разогнать лишь работой и «моционом»⁴⁰.

Но после окопной жизни, жизнь в землянках — был все же отдых. Офицеры и нижние чины приводили себя в порядок — баня, обмундирование, обувь⁴¹.

Не раздражали даже некоторые неудобства расположения частей:

«Доносится откуда-то тяжелый невыносимый смрад. Оказывается, в 5 шагах от моей палатки лежит разложившийся труп китайца... Меня утешили, что в конце бивака валяется еще несколько разложившихся трупов китайских покойников, у которых тяжелые гробы уже разобраны кавказцами 2-го Дагестанского полка, расположенного тут же, рядом с нами, на тесном биваке.

Дело в том, что китайцы обыкновенно хоронят своих покойников в толстых гробах, оставляя их на поверхности земли прямо где придется; солдату, между тем, необходимо топливо, чтобы вскипятить себе чаек, сварить чумизу и т.п.; вот один и разбирает крышку, другой — стенки, и в конце концов покойнику предоставляется просто поверхность клочка земли, где стоял его гроб. Кроме того, по соседству с нашим биваком был другой бивак, где отбросы убитых для солдатского котла животных не зарывались в землю с достаточною заботливостью. К этому необходимо присоединить отбросы тысяч людей, дающие тоже себя чувствовать самым интенсивным образом при малейшей невнимательности к этому вопросу. Легко себе представить, насколько все это отравляло воздух при невыносимой жаре, влажной атмосфере и узком гористом ущелье, препятствующем всем этим злокачественным испарениям уноситься вверх и сколько-нибудь рассеиваться»⁴².

В летнее время больших проблем с устройством жилищ для размещенных в резерве солдат не было, другое дело — осень и зима.

Вот воспоминания одного из рядовых участников войны:

«С утра принялись за устройство жилищ. Деревушка наша очень маленькая. Свободных фанз — всего четыре, а остальные за-

няты китайцами, китайскими “бабушками” и детьми. Одну отвели под околоток, а остальные пошли под офицеров, вместе с которыми предложили поселиться и нам.

Но мы предпочли перекочевать в одну из землянок, вырытых каким-то полком, недавно оставившим это место. Там и теплее и нет того чада и дыма, что поднимается всякий раз, когда начинают топить каны. Да и жизнь лучше в своем обществе. Солдатам приказано было строить землянки получше, поставить в них печи и вставить стекла. Словом, устраиваться на зимний манер. По-видимому, уже далее не пойдём, да и идти далее, кажется, некуда; левее нас полки только что сменились и тоже устраиваются на зимовку; разве только назад, если погонят япошки, но об этом что-то совсем не слышно, да и слишком холодно для ночных боев. А нам самим кажется, нет никаких оснований переходить в наступление, да не заметно к тому и никаких приготовлений. Приготовились и мы к зимовке, обложили стены внутри землянки двойным рядом циновок, выстлали циновками и пол, поставили печку, добыли реквизицией в одной из хозяйских фанз стол и скамейку и расположились по-домашнему. Тепло, уютно»⁴³.

Вот еще одно свидетельство:

«Мы начали готовиться к зимней стоянке, рассчитывая, что хоть месяц постоим на месте и войска отдохнут перед зимней кампанией. К этому времени ожидалось новые корпуса и чины на укомплектование убыли в армии с начала войны⁴⁴. Части, которые занимали деревни, стали приспособлять фанзы к зимнему жилью. Обычно все фанзы строятся таким образом, что двери и окна выходят на южную сторону, а с северной стороны, на летнее время, вырубается в стене одно окно, которое к зиме закрывается гаоляном и закрывается ставнем. Большая часть оконных переплетов и дверей была уничтожена, и пришлось все это создавать вновь. Достали досок, китайской бумаги для заклейки окон, и работа закипела. В фанзах выложили печи, которые хотя и сильно дымили во время топки, так что глаза резало от дыма, но зато тепло держалось довольно долго: в некоторых фанзах, за недостатком места, поставили железные печи. Окна заклеили китайской прочной бумагой, которая специально готовится из шелковых оческов и потому успешно противостоит холоду и ветру. Во многих богатых фанзах можно было уже встретить врезанные в рамы небольшие куски стекла, и мы, где можно было, заменили бумагу стеклами и таким образом приготовились к зимовке. Для таких частей, которые находились на передовых позициях, были построены из гаоляна землянки, в которых далее сложили маленькие печурки, не столько для топки, сколько для кипячения воды. Некоторые землянки оказались устроенными так удачно, что солдаты неохотно с ними расставались, находя,

что в них лучше, чем в фанзах. Нас поместилось в фанзе пять человек: генерал В., его адъютанты Д. и В., доктор К. и я. Мы постарались устроить свою фанзу, или, как мы ее называли, уют-компанию, с возможным комфортом: стены над канами были покрыты циновками, посередине фанзы стоял и стол, а на столе предметы роскоши, как лампа и складной самовар. Эта обстановка заставляла нас несколько мириться с трудностями походной жизни»⁴⁵.

Офицеры и солдаты использовали любую возможность, чтобы хоть в чем-то военный быт (особенно находясь в резерве) приблизить к тому, что было дома, в России. Это удавалось в основном тогда, когда части и подразделения отводились в резерв, на отдых⁴⁶. Те «скрепы», которые стягивали солдат на передовой в единое целое, в тылу утрачивали свою надобность, и им на смену приходило ослабление дисциплины. Причем это проявлялось практически во всем — от произвольной разбивки лагеря в тылу до откровенного мародерства (что уже подпадало под понятие «военные преступления»).

На отдыхе, даже в неглубоком тылу палатки и блиндажи были разбиты, не руководствуясь уставными формами, а так, лишь бы уместить батальоны в узких лощинах. Офицерские палатки раскинулись по скатам в некотором отдалении от рот⁴⁷. Офицеры при устройстве бивака руководствовались и обязанностями, и идеями благоустройства:

«Нигде ни кусочка тени. Единственным представителем растительного царства служила дикая яблоня, под которой приютились две китайские могилы, а между ними втиснул я и свою палатку. Соседство было не из приятных: тут в тени искали прибежище мириады мух, роились черви, копошился всяческий “гнус”. Зато весь бивак, батареи и линия передовых постов у меня перед глазами...»⁴⁸.

В принципе, подобные вольности объяснимы условиями нахождения частей в тылу, на отдыхе, когда офицерам и солдатам после многодневного пребывания в окопах хотелось некоторого уединения (конечно, уединения условного, так как в условиях военного времени это просто невозможно). Уединение это, правда, не мешало офицерам исполнять свои обязанности⁴⁹.

Настораживали иные факты. Уже с первых шагов бивачной жизни в солдатах развился дух мародерства, но — «особого вида». Надо было кормить лошадей; интендантство, несмотря на огромные склады фуража по всей линии, ничего не давало, руководствуясь своими соображениями. Легкий способ добычи фуража оказался *просто-напросто воровством у испуганного населения*⁵⁰.

Китайские деревни представляли собою картину разрушения и опустения: жители бежали, угнав — кто успел, конечно, — скот и всякую живность, двери и оконные рамы, мебель, пошли на то-

пливо⁵¹; в некоторых домах, за отсутствием всего, что могло бы пригодиться для топлива, выломаны уже оконные и дверные косяки, часть крыши⁵².

Такое отношение к имуществу местных жителей вытекало из обстоятельств военного времени, и продолжалось оно не долго — до первой встречи с противником: каждый солдат сознавал необходимость щадить местных жителей, их имущество, которые, может быть, помогут им в будущем, особенно когда часть отходит в резерв⁵³.

Подобная ситуация складывалась и тогда, когда приходилось самостоятельно заготавливать продовольствие:

«В деревне только в одной фанзе нашли пшеницу, чумизное пшено и 14 штук яиц. За пшеницу заплатил 3 рубля за мешок в 4 пуда. ...Китайцы спрятали все припасы, в том числе и муку», и отказываются сказать, у кого есть что-либо. В другой деревне — полный разгром. «В одной из фанз солдаты забирали соль и масло. Все было разбросано в беспорядке, двор усыпан зерном. В другой фанзе солдаты поймали несколько кур и тут же их зарезали. Набрали пшеницы, соль и бобовое масло, предложили деньги китайцу, тот кланялся и отказывался взять деньги»⁵⁴.

Еще одна поездка за зерном не увенчалась успехом, фуражиров встретили человек десять озлобленных китайцев, грозя им «кантами». Фуражиры отступили ни с чем.

«По приезде началась операция по обмолоту зерна. Мельница нашлась у нас же в фанзе. Она представляла из себя два жернова с двумя отверстиями на верхнем, куда ссыпают зерно. Сбоку верхнего — деревянные рукоятки, при помощи которых и вертят камень. Рядом находилось сито. К вечеру пекли лепешки из своей муки. Вечером сделал попытку ловить рыбу полотном палатки, не удалось»⁵⁵.

Наглядный пример, доказательство того, как отдых в тылу «расхолаживал» солдат, как падала дисциплина, а военному руководству оставалось наблюдать за происходящим со стороны, предпочитая не вмешиваться, дабы не накалять и без того непростую обстановку в русской армии⁵⁶.

Даже главнокомандующий сухопутными силами русской армии генерал Куропаткин оставался сторонним наблюдателем, безучастно наблюдая, как по дорогам, по которым шли солдаты всех родов войск, между ними было и много таких, которые тащили за плечами огромные узлы разного хлама, и без винтовок. Это случилось, когда солдаты набирали разных вещей из обоза или ограбив китайцев; а так как все это нести было тяжело, то они, жалея бросать узел с награбленным добром, бросали сперва патронташ с патронами и патронные сумки, а затем, так как идти все-таки было тяжело, бросали уже и винтовки, а штык затыкали за пояс, и так шли

дальше. Когда нет никого, такой беглец идет, «подпираясь палкой, а если кто новый попадается навстречу, то он начинает хромать, будто бы ранен в ногу, и опирается на палку, как на костыль»⁵⁷. Беглецы пробирались даже до Харбина, откуда их выслали по этапу в свои части, и начиналась опять та же история⁵⁸. Дух стяжательства, свойственный солдату (не в силу ментальности, а — исключительно в силу привычки подбирать все, что плохо лежит, с расчетом, что все когда-нибудь пригодится), оказался неистребимым.

Один из участников военной компании 1904–1905 гг. Н.Третьяков вынес следующее убеждение: «Нам необходимо бросить все, что наш солдат носит в ранце, и затем положить в этот ранец следующие предметы: 1 рубашку, 1 кальсоны, 1 пару портянок, пучок пакли, масленку, несколько иголок, 1 пучок ниток и сухарей на два дня. Все остальное самым решительным образом долой»⁵⁹. Но даже командование не решилось пойти на столь радикальный шаг. Грабежи становились обычным явлением⁶⁰.

Вот что запечатлел в своем нехитром дневнике интендант одной из пехотных дивизий:

«Сегодня 4 артиллерийских солдата, разделившись по два, гнали по реке стадо уток и бросили свою охоту, завидев меня. На мостках через речку встретил 2 артиллерийских солдат, из охотников, с курами в руках. Доложили мне, что купили их в деревне. Я воротил их для проверки. Один из солдат стал лгать, что не помнит, где они сделали покупку. В заключение один сознался. Куры, кроме одной, были уже зарезаны. Живую выпустили, за других заплатили 40 коп. китайцу. У нас на дворе один из денщиков поймал цыпленка и божился мне, что нашел его. Казаки же растаскивают целые лавки»⁶¹.

Мародерствовали все, но и в этом не было чего-то удивительного: шла война и солдаты (причем — обеих воюющих сторон) использовали свое право воина, берущего добычу.

Очень редко, но командирам порой удавалось убеждать нижних чинов не набивать свои вещевые мешки ненужными (награбленными) вещами, в результате на местах стоянок образовывались, в виде отбросов, кучи разных тряпок, портянок, веревок и проч.⁶². И, несмотря на то, что здесь не было абсолютно ничего, что могло бы пригодиться в походе, «кто-нибудь из проходящих нижних чинов непременно останавливался около этих отбросов, копался, рылся, что-то извлекал, встряхивал, осматривал и, пряча в кармане, уносил с собой.

Нижние чины продолжали копаться и уносить из этих куч отбросов, пока командир полка не приказал сжечь это все»⁶³.

Еще раз повторим — подобное явление не стоит оценивать как жадность, нет, это скорее свойственное солдату чувство «запасливости», которое порой не поддается объяснению. Другое дело,

когда мародерство оборачивается в откровенный вандализм, для солдат не свойственный; но поскольку в условиях войны мобилизации подлежат представители различных слоев населения (каждый со своим воспитанием, привычками настроениями), то от солдатской массы можно ожидать всего, в том числе и средневекового варварства⁶⁴.

По воспоминаниям одного из офицеров, на биваке дежурной роты среди гаоляна он наткнулся на груды книг, которые «немилосердно мочил» дождь: эти дорогие, по-видимому, книги в оригинальных переплетах были откуда-то перетащены под открытое небо, под дождь и слякоть на заведомую порчу и уничтожение. Здесь же лежало несколько больших китайских ваз, которые никоим образом не могли бы поместиться в солдатском вещевом мешке, и нужны были солдату не больше, чем эти китайские книги. Определить виновных не было возможности, потому что за несколько часов на этом биваке сменилось несколько частей, и солдаты уверяли, что «они все это нашли уже здесь»⁶⁵.

Это — тыл, но и на поле боя разыскивание тяжело раненных и вытаскивание их из куч трупов — привлекало к себе внимание мародеров. Погоня за наживой поборолла опасность, и многие полезли к убитым обшаривать карманы. Винтовки, ранцы, саперный инструмент, бушлаты, флажки, бинокли, часы, кошельки, галеты, мясные консервы, всевозможные письма и даже складные божки и наркотики, — все это вскоре заполняло и окопы, и вещевые мешки, и карманы солдат.

Война вырабатывала свою систему ценностей, свое особое отношение к смерти, к убитым и их имуществу. И уже никого не удивляли солдаты, успевшие поживиться, чем-либо с убитого, принимают за консервы, галеты, пропитавшиеся уже трупным запахом: «Едят, а на их лицах самодовольная улыбка, забыли, что каждую минуту их ожидает участь тех, кого они грабили».

Бороться с этим злом приходилось только убеждениями, никакие наказания не подействовали. Да и вообще, какое наказание можно было бы тут накладывать: «запереть в карцер», не дать возможности умереть в бою?⁶⁶ Мародерствовать шли, по мнению очевидцев, люди малоразвитые, со смутным представлением о человеческом достоинстве, убежденные в том, что «как же не взять такую вещь, которая под ногами валяется и хозяина не имеет, не пропадать же ей зря». И тащили эти вещи не только с земли, а и из карманов убитых⁶⁷.

Офицеры — участники Русско-японской войны 1904–1905 гг., отмечали, что когда солдат уходит с какого-нибудь места, то считает своей обязанностью все перепортить и переломать, как будто бы оставляет это место неприятелю⁶⁸. Это свидетельство прекрасно иллюстрирует истории о поведении солдат на китайской территории. Вот запись из дневника участника боевых действий:

«...Все обстояло у нас благополучно, и одно лишь было плохо, что мы несколько дней не получали из кухонь горячей пищи. Наши кухни шли впереди нас верст за двадцать или за тридцать, с обозом, из опасения, чтобы враг не захватил их, как это случилось в других полках»⁶⁹.

Мародерство победить было невозможно, но вполне по силам было уменьшить его размеры, особенно — в условиях отступления, когда можно было отвлечь любителей трофеев раздачей того, что скопилось на складах, которые — во время отступления все равно подлежали уничтожению⁷⁰.

¹ Грулев М. В штабах и на полях Дальнего Востока. Воспоминания офицера Генерального штаба и командира полка о русско-японской войне. СПб., 1908. Ч. 1. С. 328; Пащенко О. Из записок сестры волонтерки // Русское богатство. СПб., 1910. Кн. 7. С. 221.

² Пестерев В. Забытая война. Дневник морского офицера // Подольский альманах. 2003. № 6.

³ Грулев М. Указ. соч. Ч. 1. С. 125.

⁴ См.: Сребрянский М.В. Дневник полкового священника, служащего на Дальнем Востоке. М., 1996.

⁵ Грулев М. Указ. соч. Ч. 1. С. 125–127.

⁶ Вестник Маньчжурской армии. 1905. 2 ноября.

⁷ Грулев М. Указ. соч. Ч. 1. С. 127–129.

⁸ См.: Порт-Артур. Воспоминания участников. Нью-Йорк, 1955.

⁹ Грулев М. Указ. соч. Ч. 1. С. 129.

¹⁰ См.: Пащенко О. Из записок сестры волонтерки // Русское богатство. СПб., 1910. № 8. С. 223.

¹¹ См., например: Кияницын И.И. Организация и меры борьбы с инфекционными болезнями в русско-японскую войну // Военно-медицинский журнал. 1906. № 1. С. 77.

¹² Грулев М. Указ. соч. Ч. 1. С. 130–131.

¹³ Третьяков Н. 5-й Восточно-Сибирский стрелковый полк. СПб., 1909. С. 18.

¹⁴ Щеглов А.Н. Значение и работа штаба на основании опыта русско-японской войны. СПб., 1906. С. 102–104.

¹⁵ Вестник знания. 1905. № 12. С. 92.

¹⁶ РГВИА. Ф. 14390. Оп. 1. Д. 18. Л. 76.

¹⁷ Галкин М.С. Новый путь современного офицера. М., 1906. С. 120.

¹⁸ См.: Записная книжка сестры милосердия // Вестник знания. 1905. № 12. С. 91–97.

¹⁹ См.: Павлов Е. На Дальнем Востоке в 1905 году: из наблюдений во время войны с Японией. СПб., 1907.

²⁰ Записная книжка сестры милосердия // Вестник знания. 1905. № 12. С. 44; Гусев С.Я. Свежие раны. Воспоминания корпусного контролера о русско-японской войне. СПб., 1911. С. 20–21.

²¹ См.: Девиз (Охотина) М.И. Из дневника сестры милосердия // Исторический вестник. 1909. Т. 115. № 3. С. 223.

²² Лунд К. Рассказы и воспоминания строевого офицера из русско-японской войны. СПб., 1914. С. 44.

- ²³ *Лунд К.* Указ. соч. С. 4.
- ²⁴ *Гедке.* Письма военного корреспондента в русско-японскую войну 1904–1905 гг. // Братская помощь. 1907. № 10. С. 84.
- ²⁵ *Лунд К.* Указ. соч. С. 10.
- ²⁶ См.: *Орлов Ф.* Письма молодого солдата. СПб., 1904.
- ²⁷ *Голыцинский А.Н.* На позициях Порт-Артура. Из дневника ротного и батальонного командира. СПб., 1907. С. 43.
- ²⁸ РГВИА. Ф. 16118. Оп. 1. Д. 79. Л. 123.
- ²⁹ *Голыцинский А.Н.* Указ. соч. С. 10.
- ³⁰ *Шихуц Ф.И.* Дневник солдата в русско-японскую войну. М., 2003. С. 49.
- ³¹ *Оболенский В.В.* Записки о войне офицера запаса. М., 1912. С. 58.
- ³² Там же.
- ³³ См.: *Камперо.* Под Ляндянсяном и Ляояном: Из воспоминаний лейтенанта Камперо // Офицерская жизнь. 1911. № 265.
- ³⁴ *Грулев М.* Указ. соч. Ч. 2. С. 171–172.
- ³⁵ См.: Дневник солдата русско-японской войны. Воспоминания о войне, которую Россия вела с Японией в 1904 – 1905-х годах, об осаде города Порт-Артур // Советиш геймланд. 1979. № 2.
- ³⁶ *Грулев М.* Указ. соч. Ч. 2. С. 172–174.
- ³⁷ *Грулев М.* Указ. соч. Ч. 2. С. 174–175.
- ³⁸ См.: *Гамльтон Я.С.* Записная книжка штабного офицера во время русско-японской войны. СПб., 1906–1907. Т. 1. (Шимоза – название взрывчатого вещества, употреблявшееся японцами в Русско-японской войне 1904–1905 гг. для полевых фугасных снарядов, гранат и подводных мин, по составу сходно с мелинитом, пикриновой кислотой.)
- ³⁹ См.: *Мирный В.А.* Боевой дневник унтер-офицера в русско-японскую войну. М., 1912. С. 12.
- ⁴⁰ *Мирный В.А.* Указ. соч. С. 20–22; *Грулев М.* Указ. соч. Ч. 2. С. 175–176.
- ⁴¹ *Грулев М.* Указ. соч. Ч. 2. С. 176.
- ⁴² *Грулев М.* Указ. соч. Ч. 1. С. 178–179.
- ⁴³ Военный листок. Слюдянка, 1905. 30 сентября; *Баженов В.П.* Японская кампания (Дневник полкового врача). Тула, 1924. С. 48.
- ⁴⁴ См.: *Кравченко Н.* На войну. СПб., 1905. С. 12.
- ⁴⁵ *Гусев С.Я.* Свежие раны. Воспоминания корпусного контролера о русско-японской войне. СПб., 1911. С. 96–97.
- ⁴⁶ РГВИА. Ф. 14391. Оп. 1. Д. 2. Л. 86.
- ⁴⁷ *Лунд К.* Указ. соч. С. 10.
- ⁴⁸ *Грулев М.* Указ. соч. Ч. 1. С. 188.
- ⁴⁹ РГВИА. Ф. 16337. Оп. 1. Д. 181. Л. 23.
- ⁵⁰ *Оболенский В.В.* Записки о войне офицера запаса. М., 1912. С. 31–32.
- ⁵¹ См.: *Селвачев В.И.* Петровцы на Путиловской сопке (Воспоминания батальонного командира). СПб., 1905.
- ⁵² *Грулев М.* Указ. соч. Ч. 1. С. 298.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ «Когда ж закончится война?» Из дневника офицера-интенданта 29 июля – 31 декабря 1904 // Земство. Архив провинциальной истории России. Пенза. № 1(5). 1995. С. 125.
- ⁵⁵ Там же. С. 126.
- ⁵⁶ РГВИА. Ф. 14394. Оп. 1. Д. 14. Л. 98.
- ⁵⁷ *Энгельман И.Г.* Воспитание современного солдата и матроса. СПб., 1908. С. 7.
- ⁵⁸ *Шихуц Ф.И.* Дневник солдата в русско-японскую войну. М., 2003. С. 82.

⁵⁹ См.: *Третьяков Н.* Указ. соч.

⁶⁰ См.: РГВИА. Ф.14390. Оп. 1. Д. 18.

⁶¹ «Когда ж закончится война?» Из дневника офицера-интенданта 29 июля – 31 декабря 1904. С. 134.

⁶² *Сребрянский М.В.* Дневник полкового священника, служащего на Дальнем Востоке. М., 1996.

⁶³ *Грулев М.* Указ. соч. Ч. 2. С. 18–19; *Вестник знания.* 1905. № 12. С. 94.

⁶⁴ См., например: РГВИА. Ф. 14390. Оп. 1. Д. 11.

⁶⁵ *Грулев М.* Указ. соч. Ч. 2. С. 19–20.

⁶⁶ См.: *Кукольщиков А.* Из записей сахалинского священника за 1905 г. // *Владивостокские епархиальные ведомости.* 1907. № 10. С. 206–207.

⁶⁷ *Голицинский А.Н.* На позициях Порт-Артура. СПб., 1907. С. 49–50.

⁶⁸ *Шикуц Ф.И.* Дневник солдата в Русско-японскую войну. М., 2003. С. 59.

⁶⁹ См.: *Канн Р.* Из вражеского стана: Из «Дневника военного корреспондента» при японской армии. СПб., 1905.

⁷⁰ РГВИА. Ф. 14394. Оп. 1. Д. 15. Л. 24, 31 об.